

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Российская молодежь в последнее время оказалась в центре внимания и политиков, и административных служб. Все осознают важность благоприятного социально-экономического климата, возможностей “социального лифта” для молодых людей. Для этого важно глубокое и всестороннее изучение экономических, социальных, политических, культурных потребностей молодежи, ее психологического настроения и, соответственно, тенденций ее поведения в разных сферах общественной жизни. Статьей Вадима Радаева мы начинаем обсуждение этой темы.

В. В. РАДАЕВ

Прощай, советский простой человек!*

Обосновывается идея социального перелома в современной России, вызванного сменой поколений и обусловленного размытием ценностей “советского простого человека”. Рассматриваются специфика и ограничения концепции “советского простого человека” и политического подхода к анализу поколений. Предлагается оригинальная классификация поколений, построенная по характеру исторических условий в период взросления. Исследуется межпоколенческая динамика по широкому набору социальных показателей. Особый акцент делается на разделении “советских” и “постсоветских” поколений. Для эмпирических иллюстраций используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (1994–2016 гг.). Выявлена устойчивая значимость межпоколенческих различий в уровне образования, использовании цифровых технологий, формах досуговой деятельности и приверженности здоровому образу жизни. Делается общий вывод о необходимости новых исследовательских программ, альтернативных концепции “советского простого человека”.

Ключевые слова: социальный перелом, межпоколенческие различия, цифровые технологии, досуговое поведение, опросы населения, Россия.

DOI: 10.7868/S0869049918030048

Происходят ли в российском обществе социальные изменения, какова их направленность, насколько эти изменения глубоки и чем они вызваны — все эти вопросы постоянно находятся в центре внимания. Одним из ключей к их пониманию служит видение того, как меняется человек и его взаимоотношения с другими людьми. Говоря о человеке в современной России, нельзя не обратить внимание на многолетнее социологическое

---

* Статья выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Благодарность за важные комментарии З. Котельникову, Г. Юдину.

Радаев Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований, первый проректор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая, 20.

E-mail: radaev@hse.ru

исследование, инициированное еще в 1989 г. Ю. Левадой и его коллегами (Л. Гудковым, Б. Дубиным, А. Левинсоном и др.), результатом которого стало выведение особого антропологического типа “советский простой человек” [Советский... 1993]. Проект имел долгосрочный характер, замеры общественного мнения делались в 1994, 1997, 2003, 2008 и 2012 гг.

Первоначально “советский простой человек” изучался как “уходящая натура”, как тип человека, сформированного в условиях социализма. Но впоследствии авторами исследования было сделано заключение о том, что с разрушением социалистического строя тип советского человека никуда не уходит, хотя и теряет роль былого нормативного образца. В новом тысячелетии произошла его реставрация. Более того, в определенных ситуациях он начал выходить на передний план. Утверждается, что этот человек адаптировался к изменениям, порожденными реформами, и сохранил свои основные черты. При этом он не в состоянии (или не склонен) менять сложившиеся условия. Причина видится в том, что хотя советская система рухнула, ее институты остались прежними, изменения поверхностны, не затрагивают оснований слившихся общества и государства, человек же оказывается производным от существующих институтов. Отсюда делается своего рода парадоксальный вывод: молодые люди, даже не жившие при советском строе, мало чем отличаются по своим жизненным установкам от своих родителей. В итоге с приходом новых поколений общество не развивается, а деградирует [Гудков 2007; Гудков 2016].

В данной работе будет рассмотрена специфика и ограничения данного подхода, в особенности его импликация для анализа межпоколенческих сдвигов, и предложен некоторый альтернативный взгляд.

Политический подход к анализу поколений

Для того чтобы понять истоки упомянутого выше взгляда, посмотрим, как выделялся архетип “советского простого человека”. Он понимался как “идеально типическая конструкция человека, представляющая сложный набор взаимосвязанных характеристик, которые связывают и социальную систему (институционально регулируемое поведение), и сферу символически смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентации)” [Гудков 2007, с. 220]. Но важно, что этот идеально-типический конструкт изначально строился преимущественно как человек политический. В качестве его основных черт выделялись: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром [Советский... 1993, с. 24]. Этот человек целиком принадлежал государству. Его сущностные характеристики образуются взаимоотношениями с (государственной) властью. И сегодня, по прошествии, как минимум, четверти века, в качестве главной особенности “советского простого человека” по-прежнему видятся “умение адаптироваться к административному и полицейскому произволу, способность уживаться с репрессивным государством” [Гудков 2016]. Этот политический подход плавно переносится на анализ социальных поколений, который в данной работе является для нас предметом особого интереса.

Анализ межпоколенческой динамики – лишь один из способов изучения социальных изменений, имеющий, как и все прочие способы, свои ограничения. Но вряд ли многие станут отрицать, что анализ поколенческих сдвигов важен, по крайней мере, с того момента, когда общество выходит из традиционного состояния. И в России социологический подход к анализу поколений нашел себе применение в ряде интересных работ [Савельева, Полетаев 1997; Семенова 2003; Левада, Шанин 2005]. Но все же, поколенческие сдвиги зачастую остаются вне пристального внимания или отодвигаются на второй план. Дело во многом ограничивается многочисленными проектами по исследованию молодежи, понимаемой скорее как возрастная группа, в то время как продуктивнее в качестве единицы анализа брать не возрастные когорты, а поколения, проходящие через сходный жизненный цикл, и сравнивать их между собой.

Какова причина определенной недооценки межпоколенческого анализа? Исходной точкой всех социологических рассуждений о поколениях, как правило, становится идея К. Мангейма о важности значимых совместно переживаемых событий для формирования того или иного поколения. По мнению Мангейма, “быть современниками – значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде” [Мангейм 2000. с. 15]. Но далее, в процессе конкретизации этих рассуждений возникает интерпретация, в соответствии с которой содержательное сходство поколений заключается в состоянии пассивного страдания, репрезентации себя как “жертвы социальных процессов” [Семенова 2003]. Иными словами, значимые события интерпретируются как травмы (аналогичный подход см. [Edmunds, Turner 2005]), а травмы, в свою очередь, интерпретируются преимущественно как политические катаклизмы, то есть многие результаты политических событий. При таком подходе поколение как реальная группа формируется преимущественно в противостоянии власти и существующему политическому строю. Становится важным, в том числе, за кого голосуют представители того или иного поколения, насколько активно они участвуют в политических акциях и, шире, какие требования предъявляются к государству и политическому устройству в целом.

В российской социологии при анализе поколенческой динамики, на мой взгляд, политический подход оказался слишком сильно выраженным, определяя не только границы поколений, но, что более важно, характеристики самих поколений. Ю. Левада назвал этот подход взглядом на общество “сверху”, со стороны элит, формирующих значения событий и периодов [Левада 2001]. При этом, разумеется, значимость “хода снизу” (от повседневной жизни массовых социальных групп) тоже признавалась, но отодвигалась на второй план. В этой трактовке к анализу поколений (в первую очередь, молодежи) применяется понятие политической группы (в понимании М. Вебера), демонстрирующей коллективное мобилизованное действие. Если же политические группы в упомянутом смысле не формируются, проблематика молодежи в частности и поколений в целом утрачивает свою актуальность.

Разочарование в молодежи

Политический подход к поколенческому анализу порождает, среди прочего, немалые разочарования в молодых поколениях, от которых ожидают устремлений к системным политическим переустройствам. Дело в том, что молодежь в современной России во многом не оправдывает подобных ожиданий. Она не бросает вызов властной вертикали, не демонстрирует массового участия в протестных движениях. И в целом протестный потенциал с начала 2000-х гг. при некоторых флуктуациях остается на низком уровне. Более того, по данным опросов общественного мнения, повышенная доля респондентов в молодом поколении выражает поддержку действующей власти и ее лидерам¹. Молодежные группы отмечены высокой лояльностью к властям предрержащим, демонстрируют несколько большую готовность голосовать за правящую партию на выборах в Госдуму [Седов 2011]. Опросы 2011 и 2017 гг. показывают также, что многие из них готовы назвать И. Сталина самым выдающимся человеком всех времен и народов, причем доля молодых людей, с уважением относящихся к Сталину, в нынешнем поколении в сравнении с перестроечным выросла в 4–5 раз [Гудков 2016]. Во всем этом видятся симптомы глубокой хронической болезни.

В результате возникает весьма безрадостная характеристика современной молодежи как новой реинкарнации советского простого человека, которая наделяется чертами апатичности, безучастности, пассивности и наличием “подросткового сознания”. Не без горечи отмечается, что главными носителями реформ 1980-х гг. стали не 30-летние, а 60-летние (“шестидесятники”, или дети “оттепели”). Но еще больше разочарований

¹ См., например, данные “ГеоРейтинга” ФОМ (<http://bd.fom.ru/pdf/d13np10.pdf>).

приносят 2000-е гг., когда оказывается, что повышенная доля представителей молодежных групп считает, что “дела в стране идут в правильном направлении”.

Не усматриваются и возможности для возникновения “молодежного вызова” в обозримом будущем. Какие-то надежды всколыхнулись после протестного движения 2011–2013 гг. (серия событий на Болотной площади и др.) и продолжают возникать вновь при появлении соответствующих событий, например при выходе на несанкционированные митинги заметного числа школьников весной 2017 г. Но эти надежды ослабевают вместе со спадом очередной волны протестных действий, демонстрирующих (по крайней мере пока) свою неустойчивость.

Характерно, что в политическом отношении молодежь становится объектом не только разочарований, но и серьезных опасений. Обращается внимание на то, что нынешние молодежные группы в случае успеха коллективной мобилизации, то есть своего превращения в политическую группу, зачастую склонны к экстремизму и могут использоваться правящими партиями в своих интересах. Вот перечень характерных черт, которые вызывают особую озабоченность: “Восторженный энтузиазм и максимализм требований нередко сочетался при этом с предельно упрощенными критериями, фанатизмом, этическим утилитаризмом, бескомпромиссностью и жестокостью по отношению к реальным или выдуманному противнику” [*Левада* 2005, с. 242]. Проскальзывают и явные опасения, что вместо Болотной площади или проспекта Сахарова в Москве молодежь выйдет на Манежную площадь с совершенно другими недемократическими лозунгами, повторяя события 11 декабря 2010 г. Так что формирование политических групп на основе молодежных поколений в сегодняшних условиях связывается не только с позитивными ожиданиями, но может видеться и как нежелательное явление.

Иногда демонстрируется, впрочем, и более оптимистичный взгляд на будущность молодежных групп в связи с тем, что среди них в большей степени распространены либеральные экономические идеи [*Седов* 2011]. Но фактологическое подкрепление у такого оптимизма пока довольно слабое.

В более общем контексте, разочарованию в политическом потенциале молодежи сопутствует девальвация проблематики межпоколенческих отношений в целом. В логике изложенного выше подхода начинает казаться, что понятия “конфликта” или “разрыва поколений” не более чем мнимые конструкции, или фантомные категории, образовавшиеся вследствие перенесения на общественные процессы несоразмерного понятийного аппарата [*Левада, Шанин* 2005]. В результате на основе политического подхода делаются два вывода: советский простой человек возродился из пепла (или вовсе не умирал), а поколенческие сдвиги в силу своей поверхностности несущественны — дети слишком похожи на своих отцов.

От политического сознания к мизантропии

Поскольку Левада и его коллеги опирались на многолетние и систематические эмпирические исследования, это помогало им сохранять взвешенную позицию. Если же политический подход не опирается на результаты конкретных исследований, он способен превращать плодотворные в основе своей идеи в политизированные штампы. Примером этого подхода может послужить статья политолога В. Пастухова [*Пастухов* 2015]. Как заведено, все начинается с классических идей Мангейма о переживании совместного уникального социального опыта и о разном вкладе поколений. Но тут же, наряду с “конструктивными поколениями”, появляются “деструктивные поколения”, чего Мангейм уже в виду не имел. Он писал намного более аккуратно, что “не всякое поколение выстраивает свою собственную, особенную модель мировидения и воздействия на мир” [*Мангейм* 2000, с. 44].

После выделения “деструктивных поколений” политизированный подход, рисующий действительность преимущественно в черно-белых тонах, невольно приводит к хронической мизантропии. Семидесятники характеризуются как “безыдейный псевдомунистический консьюмеристский планктон” и как “движение алчных потребителей,

присвоившее себе романтические идеалы шестидесятников”. Родившиеся накануне перестройки квалифицируются как “разочарованное поколение отвязных циников”, “первое уже совершенно безыдейное, но еще советское по сути поколение”. Поколение миллениалов — это “потерянное поколение”, а также “безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего. Это поколение мегапотребителей, первым впечатлением жизни которых был ранний Путин”. “Девиз этого поколения — урви от жизни все. Это убежденные консьюмеристы” [*Пастухов 2015*]. В итоге на смену “разочарованному поколению” приходит “потерянное поколение”, а за ним следует “поколение без будущего” — в таком анализе сквозит явное разочарования и раздражение и возникает ощущение полной безысходности.

Последняя надежда все же связывается с растущим поколением Z, родившимся в 2000-е гг., которое, как ожидается, будет более цельным и дееспособным. Основная причина цельности, оказывается, заключается в том, что оно вырастает “в условиях более жесткой диктатуры”. Так, от представления о том, что жизнь поколений определяется преимущественно политическими событиями, мы приходим к фантазмагориям о том, что самым сильным и формирующим поколение впечатлением становится “молодой Путин”.

Конечно, это своего рода крайняя позиция (если говорить об интеллигентных версиях), но в ней проявляются все условности и недостатки политизированного подхода. Это взгляд демократически настроенной советской интеллигенции, пережившей Советский Союз. Именно им мы обязаны демократизацией и горбачевской перестройкой. И именно они продолжают смотреть на социальные изменения через призму противостояния власти (в первую очередь, государству), перенося на последующие поколения комплекс собственных разочарований в результатах перемен начала 1990-х гг., которые они сами во многом породили.

Однако думается, что отсутствие устойчивого и массового политического противостояния молодежи власти и ее представителям вовсе не означает, что проблематика поколенческих сдвигов и разрывов между поколениями уже не актуальна. Действительно, молодежные группы по ряду признаков становятся менее политизированными, чем их предшественники. Не случайно они меньше ходят голосовать на выборы, среди них значимо уменьшается доля тех, кто считают наиболее важными событиями роспуск Советского Союза и попытку государственного переворота (путч) в 1991 г. [*Седов 2011*]. Но ведь критерий противостояния власти точно не является единственным и вероятно не должен быть главным мерилем социальных изменений². Социальная энергия и коллективное (мобилизованное) действие могут уходить в другие плоскости и другие формы активности. Например, опросы показывают, что более половины взрослого населения (в большей степени люди молодого и среднего возраста) вовлечены в разного рода волонтерскую деятельность по безвозмездному оказанию помощи [*Волонтерство... 2014*]. Волонтерство иногда может внешне напоминать советские практики (например, проведение субботников), но по сути является иной, добровольческой, а не принудительной деятельностью. Добавлю, что подобная активность чаще всего не носит политического характера (о несовместимости волонтерской и протестной деятельности см. [*Оберемко, Истомина 2015*]). В каких еще сферах реализуется социальная активность? Это должно стать предметом более пристального изучения.

Общая гипотеза о социальном переломе

Мой взгляд сильно отличается от изложенного выше. Последовательная приверженность политическому подходу и убежденность в том, что “советский простой человек” по-прежнему доминирует как антропологическая модель, мешают увидеть важные социальные сдвиги 2000-х гг., оказывающиеся на периферии модели или даже за

---

² Замечу, что американские миллениалы также в меньшей степени, чем старшие поколения, идентифицируют себя с конкретной политической партией, примерно половина из них заявляют о своей политической независимости [*Pew Research Center 2014*].

ее пределами. Чтобы увидеть эти изменения, нужно, как минимум, сменить оптику. Для этого социология должна развернуться в сторону культурно-исторического подхода к анализу поколений, который не тождествен политическому (и тем более, политизированному) подходу.

Конечно, несмотря на вековые конфликты между отцами и детьми, молодые поколения в принципе могут во многом повторять траекторию отцов или не слишком сильно отклоняться от нее. Межпоколенческие переходы могут быть сглаженными, что особенно характерно для традиционных обществ или социальных групп (например, крестьянские общины) [Мангейм 2000]. Кроме того, в любых обществах или группах старшие поколения влияют на младшие через образование, ведущее к накоплению человеческого капитала, и воспитание, способствующее накоплению культурного капитала. Смежные поколения часто переживают одни и те же значимые события, и благодаря этому изменения принимают более сглаженный характер.

Но возможны и качественные разломы, когда отношения между смежными поколениями выходят за рамки традиционного конфликта отцов и детей. Конфликт все же предполагает наличие содержательной коммуникации (пусть и протекающей в форме столкновений). Разлом же возникает при разрушении коммуникации, когда артикулированный конфликт может отсутствовать (сторонам просто не о чем разговаривать). В этом случае речь идет не просто о серьезных изменениях практик, восприятий и ценностей, но о переходе поколений в ситуацию своего рода параллельного сосуществования.

Предлагаемая здесь общая гипотеза исходит из того, что мы живем в эпоху социального перелома. В чем его суть? В отличие от 1990-х гг. этот перелом в России не связан непосредственно с радикальными политическими или экономическими преобразованиями, напротив, он происходит в отсутствие серьезных реформ, в период стабилизации и вызван скорее сменой поколений – приходом более молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия происходящих событий.

Этот перелом следует охарактеризовать как вторую волну фундаментальных социальных изменений, которая в значительной мере является наследием постсоветских политических и экономических реформ. Просто эта волна пришла не сразу, потребовавшись определенный временной лаг, чтобы более молодые поколения, вошедшие в новую жизнь без старого багажа, повзрослели и начали постоянно воспроизводить новые практики, делая социальные сдвиги необратимыми. Эта вторая волна изменений – менее шумная и не всегда четко различимая, но не менее важная по своим долгосрочным последствиям. (Причем в данной работе не затрагивается сложный вопрос о взаимоотношениях поколений: я ограничиваюсь более скромной задачей – поиском некоторых значимых различий между ними.)

От советских к постсоветским поколениям

Чтобы посмотреть, в каких поколениях происходит указанный перелом и каких сторон жизни он касается, прежде всего необходимо провести осознанные границы между ними. Здесь нужно решить два исходных вопроса: выбрать способ разграничения поколений и привязать их к значимым социальным событиям или процессам. В отношении первого вопроса я солидаризируюсь с позицией, что разграничивать поколения нужно не по годам рождения и равными когортами с пятилетним или десятилетним шагом, как это принято в демографии, а по периодам, когда представители того или иного поколения вступают во взрослую жизнь [Krosnick, Alwin 1989; Arnett 2000]. Эти формативные годы для каждого поколения, как правило, определяются возрастным интервалом от 17 до 25 лет. Именно условия, в которых происходил процесс взросления, и определяют характер того или иного поколения.

Что же касается значимых событий и процессов, то применительно к российской истории границы поколений, как правило, проводятся в привязке к более или менее конвенционально выделенным политико-экономическим периодам [Левада 2001; Семенова 2003], и от политической периодизации здесь, действительно, трудно избавиться.

При этом замечу, что предлагаемые разграничения не столь сильно отличаются от предложенных ранее классификаций, разработанных на материале западных обществ (среди наиболее известных см. [Becker 1992; Howe, Strauss 2000]). Продолжая эту линию и осознавая всю условность подобных классификаций, я, тем не менее, внесу в разграничение современных российских поколений некоторые важные уточнения. При их классификации фиксируются два интервала: год рождения и год вступления во взрослую жизнь, но критериальным выступает именно период взросления (17–25 лет).

Применительно к России выделяются шесть поколений. Самое старшее из них появилось на свет до 1938 г., то есть до Великой Отечественной войны в период сталинской мобилизации и взрослело в период войны и послевоенного восстановительного десятилетия (1941–1956 гг.). Назовем это поколение “мобилизационным”. Второе поколение родилось в военный период (1939–1946 гг.) и входило во взрослую жизнь в период хрущевской оттепели (1956–1964 гг.), поэтому оно выступает как “поколение оттепели”. Именно из этого поколения вышло значительное количество “шестидесятников”, активно проявивших себя позднее, уже в значительно более зрелом возрасте — в период демократических и либеральных реформ 1980–1990-х гг.³ Следующее за ним третье поколение родилось в послевоенный период (1947–1967 гг.), а взрослело в годы брежневского застоя (1964–1984 гг.). Назовем его “поколением застоя”. Четвертое поколение появилось на свет в период застойного зрелого социализма, а во взрослую жизнь входило в период горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ (1985–1999 гг.). В предложенной классификации это “реформенное поколение”. Наконец, пятое поколение (миллениалы, или поколение Y) родилось преимущественно в период реформ (1982–2000 гг.), но их взросление происходило в куда более стабильный и относительно благополучный период современной российской истории — с начала нового тысячелетия. Наконец, в 2000-е гг. на свет появляется самое молодое поколение Z, которое еще только начинает вступать в период своего взросления. Вся предложенная классификация представлена в таблице.

Таблица

Классификация российских поколений

Поколения	Период рождения	Период взросления
Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941–1956 гг.
Поколение оттепели	1939–1946 гг.	1956–1964 гг.
Поколение застоя	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
Реформенное поколение	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
Поколение миллениалов	1982–2000 гг.	1999–2016 гг.
Поколение Z	2001 г. и позднее	2016– ... гг.

Поскольку формативные годы для каждого поколения — это годы взросления, то первые три из выделенных поколений можно назвать “советскими” (имеющими советский опыт в период взросления), а последние три поколения — “постсоветскими” (не имеющими подобного опыта). Замечу, что к “постсоветским” отнесены не только миллениалы и поколение Z. Водораздел проходит по реформенному поколению, которое можно считать переходным. Тем не менее советским его называть уже неверно, ибо оно взрослело в период развала и преобразования советского строя.

Добавлю, что статистически постсоветские поколения в населении России в настоящее время уже преобладают. Поколение миллениалов — самое крупное из выделенных нами поколений — составляет в 2016 г., по данным Росстата, 27,2% российского

³ Называть поколение оттепели “шестидесятниками” было бы неточно, ибо нас интересуют так называемые “массовые поколения”. Понятие же “шестидесятников” распространяется в первую очередь на интеллектуалов и не охватывает значительную часть поколения оттепели [Воронков 2005].

населения (30% мужчин и 25% женщин). Вместе со следующим поколением Z, эта доля вырастает до 44,2%, а с добавлением предшествующего реформенного поколения она достигает уже двух третей, то есть значимого большинства. Это означает, что поколения, у которых период взросления пришелся на советский период, составляют к 2016 г. лишь 35% (29,7% мужчин и 39,5% женщин), и их доля продолжает убывать. Социально-демографическая база архетипа “советского простого человека” продолжает сужаться параллельно с постепенным снижением социальной активности старших поколений. Перед нами уходящий тип в физическом и социальном смыслах.

Впрочем, важна не столько численность тех или иных поколений, сколько вопрос о том, действительно ли “постсоветские” поколения отличаются от “советских”, если да – то насколько велики и значимы эти отличия и в каких сторонах жизни они проявляются. Для выявления некоторых различий в качестве основного источника были использованы данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (*RLMS-HSE*) за 1994–2016 гг.⁴ Замечу, что и в выборке *RLMS-HSE* постсоветские поколения до 2003 г. составляли в совокупности более половины, а в 2016 г. лишь чуть более одной трети (34,4%). Поколение Z, еще только вступающее в период взросления, из анализа было исключено.

Чтобы элиминировать прямое влияние возраста, в ряде случаев проводился ретроспективный анализ. В этих случаях сравнивались соседние поколения в годы, когда предшествующему поколению было столько же полных лет (медиана), сколько последующему поколению в 2016 г. Для мобилизационного поколения это 2006 г., для поколения оттепели – 2000 г., для поколения застоя – 1998 г., для реформенного поколения – 2002 г.

Далее приведу несколько отдельных примеров, которые не дают сколько-либо полной картины, но отражают некоторые важные формы неполитической активности: освоение новых технологий, активность досуговой деятельности, отношение к здоровому образу жизни. При этом буду говорить только о статистически значимых межпоколенческих различиях. Для этого использованы непараметрические корреляции Спирмена и непараметрический критерий Краскала-Уоллиса.

Более образованные и открытые к новым технологиям

Вот некоторые важные различия между советскими и постсоветскими поколениями. Во-первых, молодые поколения более образованны. Если в последнем советском поколении застоя доля имеющих высшее образование в 2016 г. равнялась 23%, то в реформенном поколении она возрастает до 32%, а в поколении миллениалов (если взять тех, кому уже исполнилось 25 лет) – 40%.

Молодые поколения лучше оснащены инструментально. Это проявляется, например, в доле владеющих каким-либо иностранным языком, помимо языков бывших республик СССР. В трех “советских” поколениях эта доля в 2016 г. различается мало и равняется 7–10%. В реформенном поколении она вырастает до 18%, а у миллениалов еще раз удваивается (36%).

Далее, чем моложе поколение, тем оно мобильнее профессиональном отношении и в меньшей степени привязано к отдельным организационным структурам. Так, миллениалы при выходе на рынок труда оказываются самым “нетерпеливым” поколением, которое ищет возможности для более быстрого успеха (и материального, и профессионального) и интенсивно пробует разные возможности для его достижения [*Ng, Schweitzer, Lyons* 2010]. По российским данным 2016 г., среди миллениалов за последний год сменили место работы и/или профессию более, чем каждый

---

⁴ Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. *RLMS-HSE* проводится НИУ ВШЭ и ЗАО “Демоскоп” при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования *RLMS-HSE*: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms> и <http://www.hse.ru/rllms>.)

пятый (21,1%). В каждом предшествующем работающем поколении эта доля ступенчато уменьшается в полтора раза.

Постсоветские поколения более активно осваивают новые технологии (в первую очередь, цифровые). Доля пользователей компьютеров за последние 12 месяцев ожидаемо резко возрастает от поколения к поколению – от почти нулевого уровня в самом старшем мобилизационном поколении (4%) до преобладающего уровня в самом молодом у миллениалов (88%). В еще большей степени это касается Интернета, здесь мы наблюдаем рост пользователей от 4% до 93% (вопросы задавались за последние 12 месяцев). При этом важно, что наиболее серьезные скачки наблюдаются не между реформенным поколением и миллениалами (как можно было ожидать), а между предыдущей парой – последним советским поколением застоя и первым постсоветским реформенным поколением, именно здесь доля пользователей в каждом случае вырастает более чем на 30%, в то время как миллениалы дают дополнительный прирост лишь на 11–12%.

Молодые поколения быстрее других переходят к более продвинутым в техническом отношении гаджетам. Например, в 2016 г. имели не обычные мобильные телефоны (которыми обладает большинство во всех поколениях), а смартфоны или коммуникаторы 55% миллениалов, у предшествующего реформенного поколения таковых 38% и чем старше поколение, тем эта доля ближе к нулевой отметке.

Одним из хороших индикаторов цифровой продвинутости, на мой взгляд, служит доля выходящих в Интернет с мобильных устройств (сотовых телефонов, смартфонов) за последние 12 месяцев. Эта доля в 2016 г. устойчиво возрастает от поколения к поколению – от 11% пользователей Интернета (0,5% всех респондентов) в самом старшем поколении до 80% (74% всех респондентов) у миллениалов (все межпоколенческие различия статистически значимы). Но и здесь первое постсоветское реформенное поколение обеспечивает более серьезный прирост по сравнению с последним советским поколением застоя, чем поколение миллениалов по сравнению с реформенным (+28% против +20%).

Другой важный индикатор новых поведенческих практик – использование Интернета для совершения онлайн покупок товаров и услуг. Доля онлайн покупателей в целом неуклонно возрастает. Среди респондентов *RLMS-HSE* старше 14 лет в самом старшем (мобилизационном) поколении к этой практике за последние 12 месяцев в 2016 г. прибегают 18% пользователей Интернета (0,7% всех респондентов). В следующих двух поколениях совершают покупки в интернет-магазинах уже по 30% пользователей Интернета. И вновь в реформенном поколении мы имеем очередной скачок до 43%, а у миллениалов эта доля достигает 49% – прирост уже не столь велик, хотя и статистически значим.

Наконец, одной из наиболее обсуждаемых сегодня тем выступает использование социальных сетей, которые начали стремительно развиваться с середины 2000-х гг. и используются для личной и профессиональной коммуникации, для игр и развлечений [*Bolton, Parasuraman, Hoefnagels, Migchels, Kabadayi, Gruber, Komarova, Solnet* 2013]. По данным *RLMS-HSE*, доля посетителей сайтов социальных сетей возрастает скачками от поколения к поколению – от 0,8 до 80% всех взрослых респондентов. Причем самый большой скачок вновь происходит при переходе от последнего советского поколения застоя к первому постсоветскому реформенному поколению (от 25 до 56%).

Можно заключить, что постсоветские поколения, действительно, наиболее активны среди всех взрослых поколений в использовании гаджетов и Интернета. И решающий количественный скачок, который можно с большей уверенностью считать переломным, произошел не у миллениалов, а, скорее, в предшествующем (реформенном) поколении – их отличие от последнего советского поколения застоя более значительно. Представителям реформенного поколения гаджеты часто доставались уже во взрослый период, поэтому их называют “цифровыми иммигрантами” в отличие от “цифровых аборигенов” – миллениалов [*Bennett, Maton, Kervin* 2008]. Но представители реформенного поколения были еще достаточно молоды и деятельны, чтобы успеть эффективно “иммигрировать” в цифровое пространство.

Более активные в проведении досуга

Теперь от цифровизации перейдем к другому важному аспекту — формам проведения досуга. В 2016 г. задавалась серия вопросов: “Как часто за последний год в свободное время, за исключением отпуска, вы занимались...?”. Выяснилось, что среди миллениалов заметно чаще обнаруживаются те, кто посещают театры, кино, концерты, музеи и спортивные соревнования в качестве зрителя (72%), в реформенном поколении эта доля снижается до 54% и стремительно убывает в более старших поколениях. При этом ежедневно смотрят телевизор, напротив, меньше миллениалов (73%) (средняя доля активных телезрителей по всей выборке — 81%), и в целом чем моложе поколение, тем реже они занимаются телесмотрением.

Миллениалы мало отличаются по частоте чтения книг — во всех выделенных нами поколениях, независимо от возраста, практически ежедневно читают книги чуть более чем каждый третий. При этом самое молодое взрослое поколение чаще слушает музыку, аудиокниги, смотрит видео — более половины делают это практически каждый день (53%) (в реформенном поколении таковых лишь каждый третий — 32%, а у более старших поколений — менее 20%). Миллениалы также в большей степени вовлечены в творческие занятия (игру на музыкальных инструментах, рисование и т.п.) — таковых каждый третий (33%), в реформенном поколении — лишь 22%, а в более старших поколениях — менее 15%. Во всех перечисленных случаях молодые поколения значительно чаще вовлечены в указанные формы досуга.

Вполне ожидаемо, что миллениалы существенно чаще играют на компьютере и проводят время в Интернете, две трети из них (65%) делают это ежедневно, в то время как в реформенном поколении эта доля снижается до 42%, а в более старших поколениях скачкообразно падает почти до нуля. Но вовлеченность в виртуальную коммуникацию не мешает миллениалам встречаться с друзьями и родственниками — более половины (57%) делают это не реже раза в неделю, в то время как между остальными четырьмя поколениями в этом отношении различий фактически нет (все находятся в интервале 41–45%).

Среди молодого поколения более распространено посещение кафе, ресторанов: каждый третий бывает там не реже раза в месяц (34%). В реформенном поколении доля таковых снижается до 18%, а в старших поколениях она резко падает до почти нулевой отметки. Еще более ожидаемо, что миллениалы чаще обнаруживаются среди посетителей ночных клубов (27%), в реформенном поколении таких посетителей уже менее 10%, а во всех остальных поколениях речь идет о единичных случаях (1–2%).

Миллениалов, как можно было видеть выше, порой обвиняют в потребительстве и консьюмеризме. И по результатам исследований миллениалы в США, например, в большей степени привержены шопингу, чем их предшественники [Brosdahl, Carpenter 2011]. В нашем случае некоторая повышенная приверженность молодых поколений к шопингу тоже обнаруживается, но разница уже не столь значительна. Кроме самого старшего мобилизационного поколения, все поколенческие группы в относительно равной степени вовлечены в прогулки по магазинам и торговым центрам — делают это не реже раза в неделю чуть более чем каждый третий респондент (34–36%).

Наконец, миллениалы чаще проводят свободное время, выезжая на природу. Почти половина из них (48%) делают это не реже раза в неделю, в предшествующих двух поколениях эта доля заметно меньше — 36–38%. А вот вовлечь миллениалов в традиционную работу на приусадебных, садовых и огородных участках оказывается сложнее — половина не делают этого в принципе (50%) (в предшествующих двух поколениях эта доля снижается до 36–40%), и вообще — чем моложе поколение, тем менее оно вовлечено в работу на земле.

Конечно, специфика досуговой активности самого молодого взрослого поколения во многом — следствие возраста. Тем не менее она проявляется не во всех видах деятельности.

Озабоченные здоровым образом жизни

Рассмотрим также отношение к собственному здоровью и, в частности, к здоровому образу жизни. Здесь следует обратить внимание на занятие физкультурой и спортом. Выясняется, что в четырех старших поколениях доли занимающихся физической культурой (в любых формах) в 2000-е гг. понемногу подрастают с течением времени, достигая к 2016 г. уровня 20–25%. Поколение же миллениалов в данном случае стоит особняком, резко контрастируя с общей картиной. Его представители на протяжении всего периода наблюдений значительно чаще занимаются физической культурой и спортом – в детстве и юношестве таковых большинство, а после достижения 20-летнего среднего возраста их доля стабилизируется на уровне 40–43%. Разумеется, здесь очень велико влияние чисто возрастных различий. Однако, глядя на предшествующее реформенное поколение, в 2002 г. в аналогичном медианном возрасте (27 лет) доля занимающихся физической культурой и спортом оказывается значительно более скромной, чем у миллениалов в 2016 г. (24,6% против 43,3%). Это означает, что по данному элементу здорового образа жизни активность молодого поколения скачкообразно возросла, и именно в поколении миллениалов.

Другой важный аспект здорового образа жизни – отношение к курению. Ретроспективный анализ соседних поколений обнаружил следующую закономерность: если брать долю курильщиков в каждом предшествующем поколении, когда оно находилось в том же возрасте, что последующее поколение в 2016 г., различия в доле курильщиков между соседними поколениями фактически исчезают, то есть в аналогичном возрасте по доле вовлеченных они курили одинаково. Но эта закономерность касается всех поколений, кроме миллениалов: последние образуют единственный случай, когда при достижении аналогичного возраста доля курильщиков резко упала более чем в полтора раза по сравнению с предшествующим (реформенным) поколением (от 46,7 до 29,6%). Это подтверждает, что именно в молодом поколении произошел серьезный перелом, связанный с уменьшением курения. При этом интенсивность курения среди курящих в молодом поколении не выросла, следовательно, уменьшился общий объем курения. Правда, следует оговориться, что снижение произошло в первую очередь за счет мужчин, которые ранее курили значительно больше женщин [Quirnbach, Gerry 2016].

Сходная картина наблюдается в отношении потребления алкоголя. В текущий период (2016 г.) у самого молодого поколения миллениалов доля пьющих за последние 30 дней оказывается меньше, чем в двух предшествующих поколениях (реформенном и поколении застоя). А если взять реформенное поколение в аналогичном медианном возрасте (2002 г.), то разница с поколением миллениалов оказывается очень значительной (64,2% против 39,8%), то есть достигает почти 25%, в то время как в предшествующих поколениях она варьирует от 2 до 12%. По объему потребления спиртного в пересчете на чистый алкоголь уровень его потребления миллениалами вновь оказывается значимо ниже, чем в двух предшествующих поколениях, причем разница с реформенным поколением варьирует в 2006–2016 гг. от полутора до двух раз. Можно заключить, что на фоне некоторого снижения потребления алкоголя во всех поколениях именно в поколении миллениалов наблюдаются отчетливые признаки более решительного перелома, связанного с падением как доли потребителей, так и объема потребляемого чистого алкоголя.

* * *

Приведенные примеры показывают, что постсоветские поколения по многим параметрам значимо отличаются от своих предшественников. Но водораздел может проходить в разных местах. Так, в случае использования цифровых технологий перелом произошел в реформенном поколении, а в случае с досуговым поведением и практиками здорового образа жизни он пролегает скорее в поколении миллениалов.

Предвижу возможный скепсис или даже возражения по поводу того, что сдвиги в структуре потребления и досуга не столь важны и являют собой лишь пену на вздымающихся волнах потребительского общества. С этим трудно согласиться. Во-первых,

речь идет не просто о приобретении тех или иных товаров или услуг – это лишь вещная сторона изменений в стиле жизни и формах коммуникации между людьми. Во-вторых, слишком часто проявляется привычка считать более важными (системообразующими) политические и макроэкономические события, а к “низовым” повседневным практикам, особенно потребительским и досуговым, относиться чуть ли не пренебрежительно. Но в каком-то смысле сдвиги в повседневной жизни имеют более фундаментальное значение, чем изменения политических мнений, которые у обычных респондентов, не погруженных в политику, сохраняют поверхностный характер. Не будучи экспертами по общим вопросам политики и экономики, обычные люди могут реагировать на соответствующие вопросы относительно устойчиво просто в силу инерции или навязчивого воздействия СМИ.

Отношения человека с государством, разумеется, не перестают быть важной темой, в особенности, когда государство стремится проникнуть чуть ли во все стороны жизни, как это происходит в современной России. Но не ясно, откуда берется столь устойчивое убеждение, что характер политических установок – главный критерий и что традиционный интеллигентский вопрос о противостоянии с властью волнует основную массу населения и в особенности молодых людей.

Конечно, нельзя отрицать и существования механизмов преемственности и цикличности, в том числе в развитии институтов, ибо ничто не умирает окончательно. Но в то же время очевидно, что возникли другие поколения, вошедшие во взрослую жизнь в перестроечный и постперестроечный периоды и не имеющие собственного советского опыта, а механизмы “генетической передачи” с помощью институтов в данном случае если и работают, то с существенными ограничениями. Да и сами институты вряд ли остались неизменными.

По моему мнению, следует сместить фокус исследований, обратив внимание на практики повседневной жизни, и задавать вопросы о трудовых, потребительских или досуговых привычках, которые однозначнее понимаются людьми, поскольку непосредственно связаны с их личным опытом. Далее, следует идти от поверхностных проявлений вглубь, чтобы понять, как формируются новые формы коммуникации, появляются другие культурные образцы, иное отношение к собственной жизни и к истории собственной страны.

В связи с этим приведу еще один фрагмент данных, связанный с ответами на вопрос, характеризующий отношение к советскому прошлому: “Вы бы хотели, чтобы ваши дети росли во времена Советского Союза или в сегодняшней России?”. К сожалению, в *RLMS-HSE* доступны лишь данные за 2006 г., но этот год хорош тем, что был относительно благополучен и лишен разного рода кризисных наслоений. Выяснилось, что в целом желающие, чтобы их дети жили в Советском Союзе или в современной России, разделились ровно пополам. Но поколенческие различия весьма разительны. Мобилизационное поколение большей частью отдает предпочтение советскому прошлому (80%), поколение оттепели от него отличается не сильно (74%) и в поколении застоя таковых большинство (61%). Резкий скачок совершается в реформенном поколении, где число приверженцев Советского Союза (в указанном выше смысле) падает до 34%, а в поколении миллениалов, находящихся накануне периода активного взросления с медианным возрастом 17 лет, эта доля уменьшается еще в два раза (17%). Таким образом, в данном конкретном случае, при отсутствии советского опыта растворяется и ностальгия по советскому прошлому, которая в старших поколениях еще относительно сильна.

В заключение скажу, что проект “Советский простой человек” был одним из самых заметных интеллектуальных проектов 1990-х гг., реализуемых очень сильной группой исследователей, которая в течение долгих лет, в отличие от многих, занималась не абстрактным философствованием, а опиралась на систематический сбор эмпирических данных. Сегодня следует признать, что этот проект подходит к своему завершению. И не потому, что используемые им инструменты неприменимы к значительной части общества. А потому, что он ограничен определенным ракурсом, и возникающее новое множество антропологических типов через этот ракурс не выявляется. Нужна

иная исследовательская программа, нацеленная на то, чтобы посмотреть на общество не только “сверху”, но и “снизу”.

Это означает, что мы прощаемся (во многом уже простились) с “советским простым человеком”. Число носителей этого архетипа, имеющих опыт советской сознательной жизни, сокращается. А приходящие на смену поколения, за кого бы они ни голосовали, во многом оказываются другими. И многие вопросы, принципиально важные для поколений советского периода, для них утрачивают свое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волонтерство в России. (2014) Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. № 1. М.: Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ.

Воронков В.М. (2005) Проект “шестидесятников”: движение протеста в СССР / Левада Ю.А., Шанин Т. (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. С. 168–200.

Гудков Л.Д. (2007) “Советский человек” в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. № 6. С. 16–30.

Гудков Л.Д. (2016) Повесть о советском человеке // Ведомости, 28 декабря 2016 г. (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>).

Левада Ю.А. (2001) Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 7–14.

Левада Ю.А. (2005) Заметки о проблеме поколений // Левада Ю.А., Шанин Т. (ред.). Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. С. 235–244.

Левада Ю.А., Шанин Т. (2005) (ред.) Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение.

Мангейм К. (2000) Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. М.: ИНИОН РАН. С. 8–63.

Оберемко О.А., Истомина А.Г. (2015) Совместимы ли волонтерская и протестная деятельность? (по материалам самоописаний российских добровольцев) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 72–82.

Пастухов В. (2015) Теория о поколениях России: от “фронтовиков” – к “поколению без будущего” и дальше // Новая газета. № 77. 22 июля 2015 г. (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-budushego-187-i-dalshe>).

Савельева И.М., Полетаев А.В. (1997) Смена поколений // Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. С. 360–371.

Седов Л.А. (2011) Поколенческий прогноз // Общественные науки и современность. № 1. С. 78–85.

Семенова В.В. (2003) Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию “поколение” // Дробижина Л.М. (ред.). Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2003. М.: Институт социологии РАН. С. 213–237.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. (1993) Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан.

Arnett J.J. (2000) Emerging Adulthood. A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties // *American Psychologist*. Vol. 55. No. 5. Pp. 469–480.

Becker H. (ed.) (1992) *Dynamics of Cohort and Generations Research*. Amsterdam: Thesis Publishers.

Bennett S., Maton K., Kervin L. (2008) The ‘digital natives’ debate: a critical review of the evidence // *British Journal of Educational Technology*. Vol. 39. No. 5. Pp. 775–786.

Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A., Migchels N., Kabadayi S., Gruber T., Komarova Y., Solnet L.D. (2013) Understanding Generation Y and their use of social media: a review and research agenda // *Journal of Service Management*, 2013. Vol. 24. No. 3. Pp. 245–267.

Brosdahl D.J., Carpenter J.M. (2011) Shopping orientations of US males: a generational cohort comparison // *Journal of Retailing and Consumer Services*. Vol. 18. Pp. 548–554.

Edmunds J., Turner B.S. (2005) Global generations: social change in the twentieth century // *The British Journal of Sociology*. Vol. 56. No. 4. Pp. 559–577.

Howe N., Strauss W. (2000) *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books.

Krosnick J.A., Alwin D.F. (1989) Aging and Susceptibility to Attitude Change // *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 57. Pp. 416–425.

Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010) New generation, great expectations: a field study of the millennial generation // *Journal of Business and Psychology*. Vol. 25. No. 2. Pp. 281–292.

Pew Research Center. (2014) Millennials in adulthood: Detached from institutions, networked with friends. Washington, D. C.: Pew Research Center.

Quirnbach D., Gerry C.J. (2016) Gender, education and Russia's tobacco epidemic: A life-course approach // *Social Science and Medicine*. Vol. 160. Pp. 54–66.

Farewell to the Soviet Ordinary Man

V. RADAEV*

***Radaev Vadim** – Doctor of Sciences (Economics and Sociology), Professor, Head of Laboratory for Studies in Economic Sociology, First Vice-Rector, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasniknaya, Moscow 101000, Russia. E-mail: radaev@hse.ru

Abstract

The essence of the fundamental social change lies within a generation shifts in contemporary Russia. There are specific features and limitations of “Soviet ordinary man” concept. Original classification of generations based on historical conditions during the years of adulthood is provided. Special emphasis is made on distinguishing between “Soviet” and “Post-Soviet” generations. Data were collected from the annual Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) in 1994–2016. Significant differences among generational cohorts are revealed with regard to the educational level, use of digital technologies, types of leisure activities, and commitment to healthy lifestyle. To sum it up, there should be an alternative concept to the one of “The Soviet ordinary man”.

Keywords: social shifts, generational differences, digital technologies, leisure activities, population surveys, Russia

REFERENCES

Arnett J.J. (2000) Emerging Adulthood. A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, vol. 55, no. 5, pp. 469–480.

Becker H. (ed.) (1992) *Dynamics of Cohort and Generations Research*. Amsterdam: Thesis Publishers.

Bennett S., Maton K., Kervin L. (2008) The ‘digital natives’ debate: a critical review of the evidence. *British Journal of Educational Technology*, vol. 39, no. 5, pp. 775–786.

Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A., Migchels N., Kabadayi S., Gruber T., Komarova Y., Solnet L.D. (2013) Understanding Generation Y and their use of social media: a review and research agenda. *Journal of Service Management*, vol. 24, no. 3, pp. 245–267.

Brosdahl D.J., Carpenter J.M. (2011) Shopping orientations of US males: a generational cohort comparison. *Journal of Retailing and Consumer Services*, vol. 18, pp. 548–554.

Edmunds J., Turner B.S. (2005) Global generations: social change in the twentieth century. *The British Journal of Sociology*, vol. 56, no. 4, pp. 559–577.

Gudkov L.D. (2007) Sovetskiy chelovek v soziologii Yuriya Levady [“Soviet man” in the sociology of Yury Levada]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 16–30.

Gudkov L.D. (2016) Povest' o sovetskom cheloveke [A story about Soviet man. *Vedomosti*. 28 December (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/28/671519-povest-o-sovetskom>).

Howe N., Strauss W. (2000) *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books.
Krosnick J.A., Alwin D.F. (1989) Aging and Susceptibility to Attitude Change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, pp. 416–425.

Levada Yu.A. (ed.) (1993) *Sovetskiy prostoy chelovek. Issledovanie sotsialnogo portreta na rubezhe 1990-kh* [Soviet Ordinary Man: A study of social portrait at the edge of 1990s]. Moscow: Mirovoy okean.

Levada Yu.A. (2001) Pokileniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th century: Research opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 5, pp. 7–14.

- Levada Yu.A. (2005) Zametki o probleme pokolenij [Notes on the generation problem]. Levada Yu.A., Shanin T. (red.). *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and sons: generational analysis of the contemporary Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 235–244.
- Levada Yu.A., Shanin T., eds. (2005) *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and sons: generational analysis of the contemporary Russia]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie.
- Manheim K. (2000) Problemy pokoleyniy [The Problem of Generations]. Manheim K. *Ocherki sotsiologicheskogo znaniya* [Essays on the sociology of knowledge]. Moscow: INION of the Russian Academy of Sciences, pp. 8–63.
- Ng E.S.W., Schweitzer L., Lyons S.T. (2010) New generation, great expectations: a field study of the millennial generation. *Journal of Business and Psychology*, vol. 25, no. 2, pp. 281–292.
- Oberemko O.A., Istomina A.G. (2015) Sovmestimy li volonteerskaya protestnaya dedeyanelnost' (po materialam samoopisanii rissiysskikh dobrovoltagev [Are volunteering and protest activities compatible? (self-descriptions of Russian volunteers)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 2, pp. 72–82.
- Pastukhov V. (2015) Teoriya o pokoleniyakh Rossii: ot frontovikov – k pokoleniyu bez bedeshego I dal'she [Theory of Russian generations: from the “War generation” to “generation without future” and further on]. *Novaya Gazeta*, no. 77 (<https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/07/18/64943-teoriya-o-pokoleniyah-rossii-ot-171-frontovikov-187-8212-k-171-pokoleniyu-bez-buduschego-187-i-dalshe>).
- Pew Research Center. (2014) *Millennials in adulthood: Detached from institutions, networked with friends*. Washington, D.C.: Pew Research Center.
- Quirnbach D., Gerry C.J. (2016) Gender, education and Russia's tobacco epidemic: A life-course approach. *Social Science and Medicine*, vol. 160, pp. 54–66.
- Savelieva I.M., Poletayev A.V. (1997) Smena pokoleniy [Generational shift]. Savelieva I.M., Poletayev A.V. *Istoriya i vremya: v poiskakh utrachennogo* [History and time: Searching for lost]. Moscow: Yazyki sovremennoy kultury, pp. 360–371.
- Sedov L.A. (2011) Pokolencheskiy prognoz [Generational forecast]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, no. 1, pp. 78–85.
- Semenova V.V. (2003) Sovremennye konceptualnye i empiricheskie podkhody k ponyatiyu “pokolenie” [Contemporary conceptual and empirical approaches to the notion of “generation”]. Drobizheva L.M. (ed.) *Rossiya reformiruyaschyasya. Ezhegodnik* [Reforming Russia: Yearbook]. Moscow: Institute of Sociology RAN, pp. 213–237.
- Volonterstvo v Rossii. Informatsionno-analiticheskiy bulletin' o razvitiy grazhdanskogo obschestva i nekommercheskogo sektora v RF* (2014) [Volunteering in Russia. Information and analytical bulletin on the development of civic society and non-commercial sector in the Russian Federation], no. 1. Moscow: Tsentr issledovaniy grazhdanskogo obschestva i nekommercheskogo sektora NIU-VShE.
- Voronkov V.M. (2005) Projekt “shestidesyatnika”: dvizhenie protesta v SSSR [A study of the “1960th generation” as protest movement within the USSR]. Eds. Levada Yu.A., Shanin T. *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and sons: Generational analysis of the contemporary Russia]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozrenie; pp. 168–200.